

СИБИРСКАЯ НАХОДКА (НОВОЕ О МАКСИМЕ ГРЕКЕ)

Н. Н. Покровский

1. Первые впечатления

Впервые имя Максима Грека на этой рукописи бросилось в глаза, когда мы, группа археографов, уже вышли из старинного сибирского села и на первом же привале принялись внимательно рассматривать нашу «добычу». Добрых пять дней пришлось уламывать владелицу рукописи, суровую и решительную пожилую женщину, показать нам свои книжные богатства. В конце концов две книги, более всего пострадавшие от времени, стали нашими. Одна из них — первое печатное издание знаменитого Соборного Уложения царя Алексея Михайловича 1649 года. Вторая — написанная красивым полууставным почерком конца XVI в. рукопись с записью о том, что когда-то принадлежала она тому самому Рождественскому монастырю города Владимира, где вплоть до времен Петра I покоились в белокаменном гробу останки Александра Невского, перенесенные затем в Санкт-Петербург. Жизнеописание знаменитого полководца занимало изрядную часть этого рукописного сборника. Некоторые другие материалы из него также были связаны с городом Владимиром. Сразу же возникла мысль, что сборник не просто принадлежал Владимирскому Рождественскому монастырю, а был написан именно для него. Вряд ли мы сможем когда-нибудь узнать, какими сложными и причудливыми путями эта рукопись, выйдя из-за высоких монастырских стен, до сих пор величественно возвышающихся над Клязьмой, попала в далекое сибирское село, основанное в конце XVIII в. горсточкой русских крестьян-старообрядцев, укрывшихся в горах от преследований со стороны церкви и властей.

Правда, мы не случайно оказались в этом селе. Еще в прошлый сезон за много сотен километров отсюда, в старообрядческих скитах, мы слышали рассказы об этом традиционном центре русской книжности и культуры. Видимо, уже в XVIII в. беглые крестьяне положили начало здешним книжным коллекциям, скрытым от церковной цензуры. Первые поселенцы и их потомки сохранили тесные связи и с другим подобным центром — Бухтармой, знаменитой в истории колонизации Сибири независимой землей беглецов-«каменщиков» (людей, забравших в «камень», то есть в горы). Здесь, как и на Бухтарме, люди помнили еще легендарную эпопею поисков сказочной страны крестьянской вольности — Беловодья. От былых книжных богатств остались, правда, лишь крохи. Среди них буквально чудом уцелел и наш сборник, уже приговоренный к уничтожению какой-то холодной душой, чуждой уважения к национальной старине. Только самоотверженность крестьянки-батрачки Н. С. Хомяковой привела к тому, что книга эта не разделена печальной судьбы наиболее древней и крупной книжной коллекции этих мест, в составе которой она находилась. Наталья Сергеевна в отличие от вышеупомянутой холодной души, неизвестной нам по имени, сохранила живой интерес к национальной старине и даже неплохо овладела полууставом XVI века.

Что касается экспедиции, то на том привале в живописной горной долине мы не многое смогли понять в рукописи: книге изрядно досталось в прошлом; однажды она провела зиму под снегом, и часть листов слиплась в сплошной блок. Попытки предыдущих владельцев разлепить блок кончились весьма плачевно для текста некоторых листов. В иных местах чернила на подмокшей когда-то бумаге были уже почти неразличимы. Однако книга не потеряла ни одного листа, и это настраивало оптимистически. Раньше нам уже доводилось видеть поразительную по кропотливости и тщательности работу реставраторов древней бумаги, когда в инфракрасных лучах или при люминесцентном освещении читались тексты настолько угасшие, что при обычном свете лист попросту показался бы совершенно чистым. В дальнейшем наши надежды оправдались: после филигранной обработки рукописи в Государственном историческом музее (Москва) все листы были разлеплены, все кусочки бумаги подклеены на свои места,

и удалось прочесть более 98% текста, а в остальном многое легко угадывалось по смыслу.

Но все это было еще впереди. А пока археографы, скинув рюкзаки, внимательно разглядывали те несколько листов, на которых книга могла тогда открываться. На одном из них, к нашей радости, оказалась дата: 1591 год. Это была так называемая «черная» дата, то есть написанная на бумаге чернилами, в отличие от «белой» даты — водяного знака на бумаге рукописи. «Белая» дата менее точно датирует рукопись. Ведь бумага могла залежаться так, что со дня ее изготовления до времени, когда ее коснется перо писца, проходило нередко несколько лет. А здесь мы с самого начала имели дату создания центрального памятника сборника, «Жития Александра Невского»: 1591 год. Впоследствии удалось доказать, что и весь сборник был написан приблизительно в то же время.

Мы не знали еще тогда, да в полевых условиях и не могли определить, как относится найденный нами текст «Жития Александра Невского» к ранее известным в науке спискам этого произведения, к какой его редакции он принадлежит и т. д. Но серьезность находки стала ясна, как только открылся один из листов близ конца книги: в верхней его части, не затронутой в свое время влагой, удалось разобрать строку, написанную красивой беглой скорописью конца XVI в.: «и митрополит Даниил спросил Максима Святогорца...». Это было знаменитое «Прение митрополита Даниила с Максимом Греком» — сложный и противоречивый памятник, который в науке известен также под именем «Судного списка» Максима Грека. Ибо спор главы русской церкви с одним из крупнейших мыслителей XVI в. действительно проходил в обстановке суда, суда над Максимом Греком. Точнее говоря, Максима судили митрополит и весь собор высшего русского духовенства, причем делалось это дважды: в 1525 и 1531 годах. Об обоих этих судах и сообщает «Судный список». Данный источник был опубликован более века назад О. М. Бодянским, но тогда же выяснилось, как трудно им пользоваться: огромное количество явных противоречий и умолчаний не давало возможности сколько-нибудь четко уяснить, какие обвинения были предъявлены Максиму Греку в 1525-м, а какие — в 1531 году. К тому же единственный древний список (Погодинский), по которому был издан источник, донес до нас лишь часть памятника: он обрывался на половине фразы, и все попытки разыскать в архивах недостающий конец оказались неудачными. Неизвестен был даже размер утерянной части. Многие исследователи русской старины у нас и за рубежом пытались как-то примирить противоречия источника и догадаться, о чем шла речь в его второй половине. Но единого ответа не получалось, и мнения расходились все больше.

Почему же суд над Максимом Греком и история этого человека постоянно занимали исследователей? Почему и в наши дни полемика о его судьбе ведется в исторической литературе достаточно оживленно?

2. Кое-что о главном действующем лице

Максим Грек отправился на Русь в 1516 году. Великий князь Василий III искал тогда грамотного специалиста, который помог бы русским книжникам перевести с греческого церковные книги, необходимые для споров с католиками и русскими еретиками, и сумел бы использовать для этой цели сокровища греческих рукописей знаменитой библиотеки Московского Кремля (позднее ее стали называть библиотекой Ивана Грозного). Однако из Ватопедийской обители Афонской «святой горы», старинного центра греческой и славянской культуры, куда обратился Василий III, на Русь прибыл не просто грамотный переводчик. Максим, прозванный на Руси Греком, оказался незаурядным философом, прошедшим хорошую выучку у известных гуманистов Италии и Франции. Уже в России он не раз с благодарностью вспоминал имя того из своих учителей, который произвел на него самое глубокое впечатление. Это имя смелого борца против произвола и бесчинств римской курии гремело тогда в Западной Европе. Но папе Александру Борджиа удалось уничтожить своего самого опасного обличителя: Иероним Савонарола был сожжен во Флоренции в 1498 году. Максим присутствовал при аутодафе. Позднее он поступил на службу к почитателю Савонаролы, известному итальянскому гуманисту Джованни Пико делла Мирандола. Там Максим переписывался и общался со многими видными итальянскими деятелями того времени. Ряд

деталей его биографии стал известен лишь в последние десятилетия, после того как французский исследователь И. Денисов в 1943 г. доказал изящным анализом тождество Максима Грека с одной из неясных прежде фигур итальянского Возрождения XV—XVI вв. Михаилом Триволисом.

В Москве Максим, несмотря на плохое на первых порах знание русского языка, быстро освоился с новой обстановкой. Его келья в Кремлевском Чудовом монастыре становится средоточием многих ученых споров того времени. К нему тянутся умные и образованные люди. Этому кружку покровительствует близкий тогда к великому князю временщик, знаменитый «князь-инок» Вассиан Патрикеев, сам незаурядный писатель и политик, стремившийся ограничить церковное землевладение в пользу государственной власти. Влияние Вассиана и Максима друг на друга — факт несомненный, давно уже привлекавший внимание исследователей. Разговоры в келье Максима выходили за рамки ученых споров. Они затрагивали многие острые вопросы. Максим, в частности, был недоволен внешней политикой Василия III, ибо являлся сторонником решительной борьбы с Турцией, а великий князь искал союза с султаном. Одновременно Максим активно занимался своим главным делом — много переводил с греческого и писал одно произведение за другим в защиту православия. Его слава и авторитет все росли.

Тем более неожиданным казался наступивший в 1525 г. резкий перелом — суд, соборное проклятие, заточение в Иосифо-Волоколамском монастыре с запрещением писать и учить. Максим не подчинился запрещению; последовал новый соборный суд в 1531 г., еще более тяжкие обвинения, ссылка в Тверской Отрочь монастырь. Это заточение длилось целых двадцать лет, хотя условия его вскоре смягчились настолько, что дважды преданный соборному проклятию Максим смог именно в это время интенсивно трудиться над созданием новых произведений. Всего нам известно их сейчас более полутора. Одно из московских «Слов» Максима мы обнаружили в том же сибирском рукописном сборнике конца XVI в.: направленную против католицизма полемическую «немчином» Николаем Булевым, придворным врачом Василия III. Слава знаменитого старца признается даже официально, когда митрополит Макарий, несмотря на тяготеющее над Максимом соборное проклятие, включает несколько его произведений в свой огромный свод рекомендованных церковью для чтения житий святых и поучений — «Великие Минеи Четьи». Иван IV впоследствии посещает келью Максима и почтительно беседует с ним. Влияние идей Максима сказывается и в ходе знаменитого Стоглавого собора 1551 г., принявшего ряд важных политических и церковных решений. Трое вселенских патриархов — константинопольский, иерусалимский и александрийский — хлопотали об освобождении Максима. Митрополит Макарий писал ему в 40-х годах почтительные письма: «целую узы твои»; но и он не смог сразу добиться освобождения Максима от этих уз, наложенных соборами. Только в 1551 г., за пять лет до смерти, Максим был освобожден и с почетом принят в Троице-Сергиевом монастыре. Но формального оправдания от выдвинутых еще двадцать лет назад обвинений он так и не получил, хотя на них никто уже не настаивал.

Во всей этой истории много загадочного. Нам известно, какие страшные обвинения тяготели над Максимом: еретичество, волшебство (в том числе и против великого князя), обличение богатств церкви и жестокой эксплуатации церковью крестьян, критика московской внешней политики, изменнические сношения с турецким султаном и его пашами. Какие из этих обвинений соответствовали истине? Какова действительная причина расправы над Максимом? Нетрудно было и раньше догадаться, что соборный суд 1525 г. связан с шумным делом о втором браке Василия III: бесплодие его первой жены Соломонии Сабуровой выросло в политическую проблему судеб централизованного государства в случае смерти Василия III без наследников. Вокруг вопроса о разводе и втором браке разгорелась острая политическая борьба, в которой Максим по каноническим соображениям высказался против развода, запрещенного церковью. Брак Василия III с будущей матерью Ивана Грозного Елены Глинской состоялся лишь после разгрома сторонников Соломонии. Таков один из аспектов осуждения Максима Грека, но далеко не единственный.

Второй суд, 1531 г., связан с падением друга и покровителя Максима — Вассиана Патрикеева. Обвиненный в различных ересь, этот противник церковного землевладения был осужден тем же собором, который судил Максима, и отправлен в заточение;

против них выдвигали даже одних и тех же свидетелей. Но если оба эти обстоятельства давно уже известны историкам, то дальше все было спорно. Что было главным во всех явных и тайных причинах: дело Соломонии или борьба Максима с церковным землевладением (полемика продолжается до сих пор), падение Вассиана или обвинения в государственной измене? Кстати, по поводу последних разгорается дискуссия: еще в 1916 г. Б. И. Дунаев выдвинул ряд аргументов, как будто обосновывавших справедливость этих обвинений. В Москве в 20-х годах XVI в. жил турецкий посол Скиндер, грек по национальности, связанный со многими людьми из местной греческой колонии. Он беседовал и с Максимом. В 1531 г. он скоропостижно скончался, после чего в его бумагах был сделан обыск. Обнаружили очень не понравившийся великому князю отчет Скиндера султану о переговорах с московскими дипломатами. Искали еще какие-то грамоты, которые он мог взять для передачи в Турцию. Нашли ли — не известно, но вскоре после этого на церковном соборе митрополит Даниил обвинил Максима, что он тайно отправил грамоты султану и пашам. Советский историк И. И. Смирнов сделал отсюда в 1940-х годах вывод, что обвинение в измене соответствовало истине и что вообще собор 1531 г. достаточно объективно подошел к делу Максима Грека. А Н. А. Казакова, наоборот, доказывает полную невиновность Максима.

Вся проблема получила как бы новый поворот за последние два десятилетия. Отождествление Максима Грека с Михаилом Триволисом вновь поставило вопрос об общей оценке всей его деятельности в истории мировой культуры. Явление ли это в первую очередь западной (и следовательно, католической) культуры или же русской? Полтораста произведений, написанных им в России, говорят в пользу второго предположения; многие факты из его жизни во Франции и Италии — в пользу первого. В этой полемике, продолжающейся до сих пор, важным аргументом стали обвинения соборов 1525 и 1531 гг., когда Максима объявили, в частности, сторонником «латинской ереси» — католицизма. Авторы всех исследований опирались в значительной мере на тот главный источник о суде над Максимом Греком, который очень противоречив и дошел до нас лишь частично. На направление споров о Максиме Греке немало повлияло то случайное обстоятельство, что «Судный список» Максима обрывается на самом интересном месте — на рассказе о ходе судебного разбирательства по наиболее важным догматическим и политическим обвинениям. Причем сами-то обвинения перечислены: они содержатся в пространной обвинительной речи митрополита Даниила, открывшей собор 1531 года. А вот что отвечал Максим на многие из этих обвинений и в какой мере удалось их доказать на суде, об этом можно было только гадать: сохранившаяся часть источника содержала запись судебного разбирательства лишь по первым, догматическим вопросам. Между тем речь Даниила выглядела достаточно убедительно.

3. Возвращение к рукописи

Понятно поэтому то волнение, которое мы испытали, когда убедились, что приобрели сборник, в котором есть рукопись «Судного списка» Максима Грека. С первого же взгляда было видно, что рукопись намного древнее той, известной ранее, над которой ломало голову столько исследователей. Хотелось поскорее датировать ее как можно точнее, посмотреть, насколько близок весь сборник к дате создания «Жития Александра Невского» — 1591 году. А дата эта, как нарочно, была выписана полудюжиной разных способов: от «сотворения мира»; по сочетанию лунного и солнечного календарей; по годам правления царя и патриарха и т. д. (просто пособие по хронологии для студентов, да и только!). А рядом стояло зашифрованное замысловатой цифровой загадкой имя автора «Жития». Слипшиеся страницы скрывали пока конец загадки. Никакого издания редакций «Жития» XVI в. под рукой не было. Пришлось вплоть до реставрации и посещения московских библиотек отказаться от попыток определить это имя. Мы и не подозревали тогда, как хорошо оно было нам известно!

Конечно, первой же мыслью еще там, на привале, было проверить «черную» дату по водяным знакам бумаги сборника. Фабриканты бумаги снабжали в старину каждый лист своей продукции водяным знаком — своеобразным товарным клеймом. Проволочный рисунок, создающий изображение водяного знака, весьма недолговечен и быстро заменяется новым, сходным. Поэтому водяной знак помогает относительно

точно датировать бумагу. На одном из листов рукописи сразу бросился в глаза четкий водяной знак. Увы, никто из нас не помнил этого редкого гербового щита! Однако позднее, в Новосибирске, именно данное обстоятельство помогло: водяной знак, один из баденских гербов, был настолько редким и употреблявшимся столь недолго, что это позволило точнее, чем по более распространенным знакам, датировать рукопись. Когда наконец разыскали этот герб в справочниках филиграней, весь сборник получил довольно точную дату: 90-е годы XVI века. Это примерно на полстолетия раньше, чем известная прежде рукопись «Судного списка» Максима Грека!

С самого начала теплилась надежда, что новая рукопись окажется не только более древней, но и более полной. Еще в полевых условиях, а затем в Новосибирске верхние части многих слипшихся листов сами стали постепенно отделяться друг от друга, ибо рукопись попала в новый температурно-влажностный режим. Удалось прочитать первые строки таких листов. Раздел сборника, посвященный Максиму Греку, был написан особым почерком, который не встречался в других местах рукописи. Поэтому довольно быстро удалось установить примерный размер всей этой части. Он оказался в два с лишним раза больше того, который должна была бы занять известная ранее часть «Судного списка». С таким обнадеживающим наблюдением мы вернулись из экспедиции в Академгородок. Там имелась кое-какая литература по теме, справочники. Можно было приступить к предварительному описанию сборника, разбитого на 40 разделов, названных составителем «главами». Над его изготовлением трудилось несколько переписчиков, а кто-то один (возможно, сам заказчик) тщательно сверил потом текст и вписал своим характерным размашистым почерком все случайно пропущенные места и исправил ошибки.

Несколько глав посвящены документам по истории России. Вот два послания и завещание Кирилла Белозерского (XVI в.); тексты уже известны, но надо будет сверить. А вот давно опубликованная грамота митрополита Макария о начале его известной идеологической реформы по централизации культа местных русских святых. Но что это? На грамоте в нашей рукописи стоит дата: 1543 год. А во всех трех ранее известных списках грамоты она датируется 1547 годом. Тем же годом датируется реформа Макария почти во всех вузовских курсах и учебниках русской истории. Во всех, кроме одного: писавший в XVIII в. «Историю Российскую с самых древнейших времен» Василий Никитич Татищев без каких-либо объяснений отнес начало реформы Макария тоже к 1543 году. Татищев имел в своем распоряжении многие источники, погибшие во время пожара его усадьбы в с. Болдино. Поэтому к сообщенным им сведениям историки относятся с большим вниманием, хотя о достоверности многих из них горячо спорят. Теперь еще одно не подтверждавшееся ранее источниками сообщение Татищева получило документальную базу.

А вот и предпоследняя глава нашего сборника, более всего нас интересующая: «Собор на Максима Грека Святогорца». Вернувшись из экспедиции, я приобрел только что вышедший в свет том «Археографического ежегодника» с интересной статьей Н. А. Казаковой, посвященной как раз анализу «Судного списка» Максима Грека. Автор вводила в ней в научный оборот еще один древний список этого же источника — Барсовский, относящийся уже к XVIII веку. Оказалось, однако, что данный список настолько тесно связан с ранее известным Погодинским, что даже обрывается на том же самом месте.

Теперь можно было приблизительно определить, где кончается известный ранее текст нашего, Сибирского списка. А что дальше? Очень многие листы лежат еще слипшимися, читается лишь кое-что. Вот Максим отбивается от очень серьезных по тем временам обвинений в неуважении к русским чудотворцам (они были стяжателями, имели села, отдавали деньги под проценты, «слуги держали и судили, и кнутъем били, ино им чудотворцами как быти?»). В чем-то он признается, что-то пытается свалить на Вассиана Патрикеева. Очная ставка между ними на соборе кончается резким препирательством между бывшими друзьями: Вассиан отказывается поддержать попытку Максима выгородить себя за его, Вассиана, счет...

Соборное разбирательство продолжается. Максиму доказывают, что и греческие монастыри владеют селами и крестьянами; такие же порядки существуют между прочим на Афоне. Но вот что-то новое. Об этом обвинении раньше мы ничего не знали. Могущественный дворецкий, боярин Михаил Юрьевич Захарьин сообщает собору о

«достоверном известии» из времен обучения Максима в Италии: в училище, где тот обучался, было больше двухсот учеников, и все они уклонились в еретичество, за что папа римский «повеле их имати и предати казням. И оградивши, и ослонявши их дровы, сожгоша их всех, токмо восьм их убежаша во Святую гору, с ними ж и Максим». Так тысячеверстные расстояния от Флоренции до Москвы и досужие перемены московских бояр превратили казнь Савонаролы и двух его товарищей в сожжение целого еретического училища с присовокуплением рассказа о случайном спасении самого Максима, которого сжигать никто и не собирался. Интересно, что Максим на соборе 1531 г. предпочел не заниматься опровержением всех этих неточностей. «Видишь, господине, и сам меня, в какой есмь ныне скорби и беде и в печали, и от многих напастей отнюдь ни ума, ни памяти нет, не помню, господине», — ответил он на вопрос, было ли нечто такое.

Далее следует самое интересное: судебное разбирательство по наиболее острым обвинениям собора 1531 г. — в изменнических сношениях с турками. Но здесь пока почти ничего не читается, нужно ждать реставрации. А вот наконец и неизвестный ранее приговор собора. Историки, впрочем, давно уже предполагали, что именно им, конечно, должен был заканчиваться источник. Но в нашей рукописи далее следует еще несколько листов, исписанных убористой скорописью. Пока можно понять лишь одно: это неизвестная переписка о деле Максима Грека. Письма пишут люди весьма авторитетные: великий князь Василий III и митрополит Даниил — в 1525 г., митрополит Макарий и сведенный уже с митрополичьего престола Иоасаф — в 1548 году. Первые письма сообщают об итогах суда 1525 г. над Максимом (значит, можно будет теперь разделить обвинения, выдвинутые против Максима в 1525 г., когда Вассиан Патрикеев был еще в силе, и в 1531 году). Письма 1548 г. вспоминают о суде над Максимом в связи с тем, что один из осужденных тогда вместе с ним переписчиков книг, Исаак Собака, стал к 1548 г. вопреки соборному проклятию главой важного митрополичьего монастыря в Кремле — Чудовского. Далее идут материалы неизвестного ранее еретического процесса XVI в. — соборного суда 1549 г. над Исааком Собакой. Оказалось, что суд этот состоялся на том самом известном соборе 1549 г., после которого начались многие важные реформы Ивана Грозного. Между тем ни точный состав собора, ни его дата не были известны (в летописях он датируется не более и не менее как 29 и 30 февраля невисокосного, как известно, 1549 года). Совсем недавно в наших исторических журналах развернулась полемика по этим вопросам. Здесь же все той же четкой скорописью записаны и состав собора и его дата: 24 февраля 1549 года...

Предварительное описание сборника окончено. Для специалиста его достаточно, чтобы оценить значение находки и необходимость срочной, но крайне тщательной реставрации. Как только рукопись увидел директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР акад. А. П. Окладников, он стал активно содействовать ее спасению. На первую же его просьбу быстро и деятельно откликнулись председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт и один из старейших наших археографов, заведующая Отделом рукописей Государственного исторического музея М. В. Щепкина. Здесь не было долгой бюрократической переписки: в ГИМе сразу же согласились вне всякой очереди восстановить ценную рукопись, и вскоре она оказалась в золотых руках реставратора Марии Егоровны Никифоровой. Наступила пора ехать в Москву, внимательно изучить всю огромную литературу о Максиме Греке, сличить найденный текст с ранее известными, готовить источник к публикации.

4. Виновен или не виновен?

В Отделе реставрации бумаги (ГИМ) я увидел наш сборник целиком разлепленным. Листы его были освобождены от переплета и лежали аккуратной стопкой. Шла кропотливая работа по подбору и подклеиванию крохотных фрагментов листов на тех местах, где они когда-то слиплись в сплошной блок. Каждый лист с обеих сторон укреплялся почти неосязаемой, но прочной микалентной бумагой. Впереди была еще не одна неделя тяжелого труда, но я упрямил заведующую отделом Т. Н. Ютанову позволить мне прочитать текст о Максиме Греке уже на этой стадии реставрации. После нескольких дней расшифровки кое-где бывших почти невидимыми строк древней

скорописи стал понятен практически почти весь текст интересного памятника. Неразобранных или утраченных мест в конечном итоге оказалось мало.

Уже давно известная часть «Судного списка» Максима Грека поражала исследователей своей противоречивостью. Это не были подлинные протоколы суда. Слишком много было в них путаницы, пропусков, бросалась в глаза мешанина материалов 1525 и 1531 годов. В то же время список был не вымыслом и не вольным публицистическим пересказом происшедшего. Хотя и со многими искажениями, он отражал, однако, ход процесса и многие мелкие его подробности, столь важные для исследователя. Официальный характер источника был подмечен уже историками, хотя степень этой официальности вызывала полемику. А сейчас на только что расклеенных листах можно было прочесть четкое сообщение о том, что в ноябре 1548 г. митрополит Макарий нашел этот «Судный список» в государственной казне (она являлась тогда и государственным архивом) и тут же сообщил о нем Ивану IV. Оба они, как показали дальнейшие события, предпочитали рассматривать тогда рукопись как официальный документ по делу Максима Грека. Это, конечно, нисколько не мешало крайней его тенденциозности. Только теперь, имея в руках весь текст, можно было в полной мере понять самую тенденциозность. Ее подмечали и раньше в дошедших до нас частях судебного разбирательства по догматическим обвинениям: многие из них основывались просто на элементарных языковых неточностях уроженца Ионии, слабо владевшего русским языком.

Но только теперь можно оценить, как ловко построил свои самые тяжелые политические обвинения митрополит Даниил во вводной речи, открывшей собор 1531 года. Оказывается, никаких тайных грамот Максима к туркам у обвинителей не имелось. Историки, которые раньше основывались лишь на Данииле, были введены в заблуждение уверенным тоном его речи. Все обвинения в изменнических сношениях с турками построены на показаниях двух лжесвидетелей, келейников Максима, обвинявшихся на суде 1531 г. вместе с ним (один из них остался безнаказанным). Максим категорически отрицал на суде их утверждения, а при разбирательстве выявилось немало неслучайного в позиции обвинения. Келейники, давая чрезвычайно важные показания, ссылались на третьих лиц, которых, однако, не допросили. Даже тенденциозный составитель «Судного списка» далеко не всегда может скрыть слабость обвинителей в данном вопросе.

Впрочем, по ряду обвинений Максим в конце концов признал свою вину и «добил челом» о ней великому князю. Правда, во всех этих случаях речь шла не об изменнических действиях, а лишь о взглядах Максима и весьма вольного свойства разговорах, которые он вел в своей кремлевской келье относительно осторожной и гибкой внешней политики России на Востоке. Он мечтал, в частности, о немедленном освобождении Балкан от турок русским оружием, опередив свое время на целых триста лет!

Свои политические обвинения Даниил строил умело. Он сочетал частичные признания Максима с заявлениями его келейников, которые выдавал за доказанные факты, кое-где искажая довольно невинные показания Максима и перефразируя их весьма опасным для подсудимого образом. С удивлением следишь ныне за всей этой механикой, достаточно ясной даже в сдержанном изложении составителя «Судного списка», убежденного в полной виновности Максима. Гипнотизирующая стройность обвинительных построений Даниила расплывается на глазах. Впрочем, впереди оказалось еще много удивительного. Упорно и убедительно отстаивавший свою политическую невинность, Максим почему-то не опровергал обвинений в волшебстве, в волхвовании. Это он-то, гуманист, столь решительно боровшийся во многих своих трудах с верой в магию и астрологию! Попыток к нему, несомненно, не применяли. И тем не менее он не отвергал этих, очень серьезных по тем временам обвинений. А все тот же его келейник подробно излагал суду, как один из соотечественников, Савва, наделил Максима магической способностью обращать гнев великого князя в благоволение. Для этого Максим «на своих дланех пишет слова водками, да их потрет руку о руку, да придет к великому князю, и князь великий учнет говорить ему, и он учнет великому князю против того что отвечивати, а против великого князя длани своя поставляет, и князь великий гнев свой на него часа того утолит и учнет смеяться». Это, кроме всего прочего, нехорошее обвинение и в умысле против здоровья великого князя. Максим же молчит!

Еще лет сорок назад историк С. Н. Чернов на основании речи митрополита Даниила правильно предположил, что процесс 1531 г. должен был строиться с нагнетанием наиболее острых политических обвинений к концу суда. Сейчас дочитываешь полный текст «Судного списка», и видно, что догадка подтверждается. Однако что-то не ладилось как раз на этой, самой высшей точке процесса: не все прошло гладко с обвинениями в измене; многое Максим сумел опровергнуть или объяснить довольно невинным образом. И тогда, в самом конце суда, обвинение неожиданно опять вернулось к некоторым церковным вопросам, уже рассмотренным ранее: здесь Максим не только не запырлся, но упорно отстаивал на суде правоту своих поступков. Между тем позиция его по этим вопросам явно не могла найти сочувствия. Так, Максим обличал русский обычай назначать главу русской церкви независимо от константинопольского патриарха, которому формально все еще подчинялась московская митрополия. Хотя с педантичной точки зрения церковных канонов Максим был прав, восстановление древней зависимости противоречило всему ходу истории. Мечты Максима Грека о возрождении былого величия константинопольской церкви остались лишь мечтами. Противоречие же между устаревшим церковным каноном и жизнью было ликвидировано созданием независимой московской патриархии. Впрочем, это произошло уже после суда над Максимом.

5. Дополнительные подробности

Строка за строкой разбирается выцветшая скоропись, новые данные сопоставляются с уже известными, решаются некоторые старые споры, возникают новые недоумения. Вот прочитаны все записи процесса 1531 г., идет изложение приговора. То, что «Судный список» должен был закончиться приговором, было ясно давно; наконец попал в руки исследователей и его текст: приговор не только Максиму, но и шестерым его поделщикам. Здесь много нового. Раньше думали, что некоторым из них удалось выпутаться подобру-поздорову. Оказалось, что все они были осуждены собором. Но в приговоре отчаянно перепутаны решения соборов 1525 и 1531 годов. Придется немало повозиться, чтобы понять, к какому времени относится каждая строка.

Относительно самого Максима «Судный список», только что повествовавший о соборе 1531 г., приводит решение собора 1525 г.: заключить его в Иосифо-Волоколамский монастырь. Труднее решить тот же вопрос для другого обвиняемого, соотечественника Максима архимандрита Саввы. Типографская летопись сообщает о месте его заключения после собора 1525 г.— Возмищенский монастырь. Запись о втором браке Василия III приводит решение собора 1531 г., отправившего Савву в заключение в Волоколамский Зисимин монастырь. А наш источник называет Волоколамский Левкеин монастырь. Для большинства же других обвиняемых можно с большей или меньшей долей вероятности утверждать, что в нашем списке речь идет о приговоре собора 1531 года.

Источник тем не менее не кончается просто этим противоречивым приговором. К нему приложены тексты двух писем 1525 г.— митрополита и великого князя — о деле Максима. Они направлены властям Иосифо-Волоколамского монастыря — идейного центра противников Максима, где ему теперь предстояло находиться в суровом заточении. Поражает холодная жестокость этих писем. «И заключену ему быти,— приказывают митрополит и великий князь,— в некоей келии молчательне, и никако же исходящу быти... и да не беседует ни с кем же, ни с церковными, ни с простыми... но точию в молчании сидети и каятись о своем безумии и еретичестве». Отлученному от церкви мыслительно запрещено было писать и даже читать книги, за исключением нескольких, специально отобранных митрополитом. Именно на эти книги ссылался на суде Даниил в своей полемике с Максимом Греком и Вассианом Патрикеевым. Надзор за Максимом поручался монаху из семейства Ленковых, знаменитых своим усердием в исполнении подобных поручений. Кроме того, митрополит приказывал создать систему крепкого надзора и над самим этим надзирателем, «дабы не прельщен был» Максимом.

Максим не был склонен и отнюдь не собирался «молчать и каяться». Давно уже известно заявление Даниила от 1531 г. о том, что Максим и в Иосифо-Волоколамском

монастыре продолжал отстаивать свою невиновность, «еретичествовать». Не смирился он и после второго суда.

На этом источник расстается с ситуацией процессов 1525 и 1531 годов. Однако неистощимая 39-я глава сборника еще далека от своего конца. Следуют материалы, связанные с неизвестным ранее науке еретическим процессом 1549 г. над одним из сотрудников Максима Грека, Исааком Собакой, осужденным вместе с ним на соборе 1531 года. Исаак был известным каллиграфом своего времени, одним из творцов нового, оригинального стиля книжных украшений, который позднее станет называться «старопечатным». Роль Исаака в создании этого стиля еще лет десять назад хорошо очертила Е. В. Зацепина. Он переписывал некоторые из переводов Максима Грека и Вассиана Патрикеева, за что и был предан проклятию и отлучен в 1531 году. Наш источник глухо сообщает, что позднее другой собор вторично осудил Исаака за некие «речи богохульные». Оказалось, что это не помешало сделать ему блестящую церковную карьеру. Когда в 1539 г. бурное развитие политической борьбы выбросило Даниила из митрополичьих палат в тот же Иосифо-Волоколамский монастырь «на покой», его место занял Иоасаф, близкий к нестяжателям, единомышленникам Максима Грека. Новый митрополит, подбирая себе сторонников, вспомнил об Исааке Собаке. Несмотря на соборное запрещение, он в короткий срок сделал Исаака дьяконом, священником, а затем главой крупного московского монастыря — Симоновского. Даниил мог лишь со злобой следить из Иосифо-Волоколамского монастыря за этим выдвижением. Один из монастырских старцев на соборе 1549 г. очень красочно описал чувства опального владыки, когда Иоасаф вдруг потребовал от него объяснений, в чем именно состоит «исаакова ересь». Когда тот отказался ответить, Иоасаф стал вести себя так, будто никаких соборных решений об Исааке и не существовало. Впрочем, у нас нет ни малейшего основания предполагать, что Исаак или сам Иоасаф хоть что-нибудь сделали в то время для Максима, заточенного в Твери.

Случилось так, что перемены к лучшему в судьбе Максима были связаны с именем человека, как раз враждебного Иоасафу и заменившего его на митрополичьей кафедре. В 1542 г. во главе русской церкви стал один из наиболее знаменитых ее деятелей, митрополит Макарий. Он был сторонником идей Даниила, но притом достаточно широким и гибким политиком. Из найденных материалов оказалось, что в первое время он продолжал выдвигать Исаака Собаку и сделал его руководителем привилегированного кремлевского монастыря — Чудовского. Все с большим вниманием и симпатией относится Макарий и к Максиму, слава которого неуклонно росла за годы заключения, заполненные напряженной работой по созданию новых произведений.

Чудовский монастырь находился в непосредственном ведении митрополита. Его архимандрит занимал высокое положение в русской церковной иерархии. В чем-то интересы Макария и Исаака столкнулись. Наш источник не говорит, в чем именно. Другие же источники вообще молчат об этом деле. Известно, правда, что Исаак не угодил не только Макарию, но и самому Ивану IV. Позднее, в одном из своих посланий, царь едко высмеял его за слишком мягкие порядки, бывшие при нем в монастыре. Но тогда, в 1548 г., Иван был еще 18-летним юношей, и Исаак остался жить. Его устранили с полным соблюдением церковных законов.

Наш источник так повествует об этих событиях. В ноябре 1548 г. Макарий обнаружил в государственном архиве «Судный список» Максима Грека, из которого «узнал», что Исаак Собака в 1531 г. осужден собором и отлучен от церкви. Во время последующих событий Макарий неоднократно подчеркивал, что, поставляя его Чудовским архимандритом, он не знал об этом. Однако на деле Макарий должен был сам принимать участие в процессе 1531 года. Мало того, формальным поводом к проведению этого процесса был как раз переданный Макарию, тогда еще Новгородскому архиепископу, донос на Максима по поводу неканоничности некоторых его переводов.

Как бы там ни было, осенью 1548 г. началось официальное расследование, как мог отлученный от церкви Исаак, не получивший прощения, стать священником и архимандритом? Завязалась переписка между Макарием и Иоасафом, сначала в почтительных тонах, затем в достаточно резких. Находившийся «на покое» в Троице-Сергиевом монастыре митрополит Иоасаф в конце концов отказался дать показания по существу, сославшись на давность событий. Тогда с разрешения царя Макарий в феврале 1549 г. предал Чудовского архимандрита соборному суду, который под-

твердил старое отлучение и сослал Исаака как нераскаявшегося еретика в далекую Нилову пустынь. Исаак держался на соборе гордо, демонстративно подчеркнув, что он не собирався и не собирается просить у кого-либо прощения за дела, за которые он был осужден ранее (то есть за сотрудничество с Максимом Греком). Если верить нашему источнику, Макарий провел собор 1549 г. с поразительной ловкостью: осуждение Исаака было сделано по чисто формальному вопросу о поставлении его на высокие посты без снятия соборного отлучения 1531 года. О сущности же споров 1531 г. не было сказано ни слова, а имя Максима Грека не было даже названо на соборе 1549 года. Это вполне понятно: обстановка благоприятствовала тверскому узнику, его влияние признавали и царь и митрополит. Пройдет два года, и тот же Макарий сможет освободить Максима.

Видны последние строки рукописи. Они посвящены перечислению участников церковного собора 24 февраля 1549 года. Так удалось решить еще один спорный вопрос. Собор занялся затем важными церковными и государственными проблемами, поэтому состав его давно волновал историков. И, как всегда, новые факты вызывают новые недоумения: среди участников собора нет протопопа Благовещенского собора Сильвестра, одного из авторов «Домостроя», всеявного руководителя правительства «Избранной рады». Видимо, взаимоотношения между этим правительством и Макарием были гораздо сложнее, чем мы думали. Таким образом, наш источник проливает новый свет и на события 1540-х годов, время юности Ивана IV.

Вскоре оказалось, что сборник важен и для историков, занимающихся самым концом XVI века. Числовая загадка, скрывавшая имя составителя особой редакции «Жития Александра Невского» — центрального памятника сборника, — расшифровывалась так: «Иона Думин, архиепископ». Имя это встречалось историкам не раз; упоминается оно и в трех книгах XVI в., хранящихся сейчас в составе Тихомировского собрания, подаренного в 1965 г. академиком М. Н. Тихомировым Сибирскому отделению АН СССР. В одной из своих работ Михаил Николаевич рассказывал о значении Думина в деле распространения печатных книг на Северо-Востоке России. По его заказу было написано несколько интересных рукописных сборников. Многие из них он дарил Владимирскому Рождественскому монастырю, где был когда-то настоятелем. Таково же, вероятно, происхождение и только что найденного сборника. Московский историк Н. В. Сеницына как раз занимается сейчас исследованием одного из таких сборников Ионы Думина. Иона, интересовавшийся, в частности, Максимом Греком, составил двухтомник из произведений знаменитого мыслителя. А теперь еще наш, Сибирский сборник: опять встретился Думин, и опять Максим Грек! Возрождение в конце XVI в. интереса к Максиму Греку, конечно, не случайное явление. Но это уже иной исторический сюжет.

